

UNITED WISDOM

Апофатическое богословие: что означает говорить через отрицание

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W36 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Апофатическое богословие: что означает говорить через отрицание

«Превысшая Троица, превыше божества и блага».

Псевдо-Дионисий Ареопагит, «Мистическое богословие», I.1; начальный фрагмент молитвенного обращения, английский перевод John Parker. Русский перевод цитат в статье — авторов с указанного английского текста.

О чём эта статья

«Если о Боге нельзя сказать ничего точного, почему вы продолжаете о нём говорить?» Вопрос возникает естественно, когда религиозный текст сначала называет Бога благим, мудрым и живым, а затем отказывается даже от этих слов. Кажется, что мысль разрушает собственное основание. Но «этого нет» и «это не исчерпывается моим описанием» — разные утверждения.

Христианское апофатическое богословие исследует предел человеческих понятий в речи о Боге. Рассмотрим его вместе с катафатикой — положительной речью — на примере «Мистического богословия» Псевдо-Дионисия и учения Фомы Аквинского о божественных именах. Почему отрицание жизни не означает смерти, а непостижимость не равна неверию? Что сохраняется после отказа от исчерпывающего определения? Статья различает молитвенное молчание, отсутствие сведений и человеческое требование не задавать вопросов. Сопоставления с другими традициями покажут как сходство языковой осторожности, так и разные предметы отрицания. Практическое применение скромно: уточнять свои формулировки, сохраняя способность называть известное и отвечать за действие.

I. Что отрицает отрицательное богословие

Апофатическое отрицание не обязательно отрицает существование того, о ком говорится. Оно может отрицать пригодность конкретного способа описания. Если утверждается, что Бог не имеет телесной формы, это отличается от утверждения, что Бога нет. Если говорится, что Бог не благ в том же смысле, в каком благ отдельный человеческий поступок, спор касается смысла слова и способа его применения.

Термин происходит от греческого слова, связанного с отрицанием. Парное ему понятие — катафатика, утверждающий способ богословской речи. Бог именуется благим, мудрым, творящим, любящим; затем исследуется, что в этих именах соответствует Богу,

@andrey.zarinsh @ilkutki

а что принадлежит человеческому способу мыслить. Отрицание не возникает на пустом месте. Оно работает с уже существующей речью.

Это различение легче увидеть на менее сложном примере. Когда человек говорит: «Друг для меня не функция», он не отрицает, что друг помогает. Он отказывается определять всю личность через полезность. Такая аналогия показывает устройство ограничения, но не доказывает ничего о Боге. В богословии масштаб вопроса иной: может ли конечный ум охватить источник самого бытия?

Иногда отрицание касается несовершенства: Бог не меняется от усталости или заблуждения. Иногда оно касается всей категории: Бога нельзя включить в род предметов, которым приписывают свойство одним и тем же способом. Поэтому простое накопление «не» недостаточно. Нужно понимать, какую мыслительную привычку каждое отрицание пытается исправить.

Если этого не делать, апофатика превращается в туманный словарь. Любое неудобное возражение можно объявить неприменимым, потому что предмет «выше всех категорий». Но содержательная апофатическая работа требует точнее определить границу, а не просто уйти от разговора. Иначе отрицание перестаёт быть дисциплиной мысли и становится защитой от проверки собственных формулировок.

II. Дионисий: молитва раньше отмены слов

«Мистическое богословие» начинается обращением к Троице и наставлением Тимофею. Это важно для понимания всего дальнейшего движения. Отрицательный язык находится внутри христианской молитвы, а не возникает как независимое доказательство невозможности религии. В первой главе автор различает утверждения и отрицания и предупреждает, что их нельзя понимать как простые противоположности. «Мистическое богословие», глава I.

Автора принято называть Псевдо-Дионисием: современное исследование относит корпус к концу V — началу VI века, а не к ученику апостола Павла из новозаветного рассказа. Его мысль соединяет христианский контекст и поздний неоплатонизм. Этот исторический факт позволяет точнее читать произведение, не сводя его ни к тайной апостольской стенограмме, ни к переименованной языческой философии. Историко-философский обзор SEP.

У Дионисия молитвенное начало и радикальные отрицания стоят рядом. Для современного читателя это может выглядеть противоречием: зачем обращаться к тому, о ком отказываешься говорить? Однако автор различает отношение к Богу и обладание исчерпывающим понятием о нём. Обращение не требует, чтобы обращающийся уже вместил адресата в своё определение.

Здесь становится видимой другая модель понимания. Мы привыкли считать, что знание усиливается, когда к описанию добавляются новые признаки. Апофатический путь спрашивает, не возникает ли в какой-то момент обратный эффект: признаки создают видимость овладения тем, что ими не исчерпывается. Тогда движение вперёд включает отказ от прежней уверенности.

Это не означает, что автор отвергает Писание, церковную жизнь или богословское рассуждение. Его корпус включает сочинения о божественных именах и иерархиях. Короткий трактат о молчании нельзя извлечь из этой среды и превратить в разрешение считать любое частное ощущение высшим религиозным авторитетом. У апофатической речи есть собственный контекст, который удерживает её от произвольности.

III. Почему «не живой» не означает «мёртвый»

Самое трудное в апофатическом языке — отказ выбирать между привычными противоположностями. В пятой главе «Мистического богословия» отрицаются не только чувственные признаки, но и понятия ума, знания, света, жизни. Однако автор не предлагает отнести Бога к противоположной категории. Его движение направлено за пределы самой пары. Главы IV–V.

Когда в обычной речи мы отрицаем жизнь, мы думаем о смерти или безжизненности. Это работает для предметов, которые могут быть живыми либо неживыми в доступном нам смысле. Дионисий не рассматривает Бога как ещё один предмет такого ряда. Поэтому отрицание означает: наш способ приписывать жизнь не охватывает Бога. Оно не означает: Бог лишён жизни.

Разница между превышением и лишением существенна. Лишение — отсутствие того, что могло бы присутствовать. Превышение в апофатической мысли — невозможность поставить предмет внутри той же шкалы. Читатель может не принимать эту метафизику, но для понимания текста должен сначала увидеть, какое утверждение делается.

Отсюда же возникает светлая тьма — образ, который звучит как поэтическая загадка. В первой главе Дионисий использует Моисея, восходящего к божественному мраку: продвижение в понимании не завершает Бога в ясном образе. Мрак обозначает предел постижения, а не злую силу или нехватку интеллекта. Глава I, §3, и глава II.

Нельзя из этого сделать эмпирическое описание состояния мозга. Богословское слово «мрак» не является измерением нервной активности, а «выход за пределы» не указывает автоматически на конкретную психологическую технику. Текст обсуждает отношение человека к Богу посредством философии, Писания и молитвенного языка.

Самый честный способ встретиться с парадоксом — не спешить ни соглашаться, ни высмеивать. Сначала следует восстановить вопрос, на который он отвечает. Здесь вопрос не о том, бывает ли жизнь без жизни. Он о том, насколько человеческое понятие жизни подходит для описания её божественного источника.

IV. Положительные имена остаются необходимыми

Если всякое имя ограниченно, можно ли назвать Бога благим так, чтобы слово всё же что-то означало? Этот вопрос не решается одним призывом молчать. Религиозная жизнь содержит молитвы, догматические утверждения и нравственные различения. Их нельзя сохранить, если слова утратят всякую определённость.

Фома Аквинский в «Сумме теологии» исследует способ применения божественных имён. Он отвергает как совершенно одинаковое значение имён у Бога и творений, так и полную несвязанность значений. Важен аналогический способ: имена соотносятся через отношение творения к его источнику, но не исчерпывают этот источник. «Сумма теологии», I, вопрос 13, статья 5.

Чтобы почувствовать проблему, можно сравнить три варианта. В первом «Бог мудр» значит буквально то же, что «этот человек мудр», только в большей степени. Во втором слово «мудр» применительно к Богу означает нечто совершенно чужое человеческой мудрости; тогда непонятно, зачем его употреблять. Третий вариант сохраняет связь и одновременно ограничивает тождество. Именно он позволяет продолжать речь, не объявляя её исчерпывающей.

Однако третий вариант не является простым компромиссом между двумя крайностями. Недостаточно сказать, что смысл немного совпадает и немного отличается. Нужно объяснить, благодаря какому отношению сохраняется связь. В рассмотренном рассуждении Фомы это отношение творения к его источнику. Поэтому аналогическая речь не означает свободного выбора красивой метафоры: связь имён должна быть обоснована внутри богословского аргумента. Если убрать это основание, останется только обещание, что одно слово каким-то образом подходит двум различным предметам. Нельзя также заменить это объяснение обещанием большей эмоциональной убедительности. Читатель может быть глубоко тронут именем, но сила отклика ещё не показывает, какое отношение делает его богословское употребление осмысленным.

Здесь полезно различать перенос слова и увеличение свойства. В условном обсуждении участник предлагает представить божественную мудрость как человеческую способность, усиленную без всякого предела. Другой замечает: увеличение ещё сохраняет прежнюю модель — существо собирает сведения, исправляет ошибки и постепенно понимает больше. Насколько такой способ описания соответствует тому,

кого они называют Богом? Вопрос не решается добавлением слов «бесконечно» или «совершенно». Прежде требуется понять, какие особенности человеческой мудрости принадлежат ограниченному способу её осуществления. В этом примере требуется проверить не величину приписанного свойства, а способ, которым оно мыслится.

Обратный ход тоже недостаточен: исключив узнаваемые особенности, нельзя автоматически считать задачу законченной. Если после уточнений слово уже ничего не позволяет различить, читатель вправе спросить, сохранилось ли утверждение вообще. Именно поэтому положительное имя остаётся необходимым собеседником отрицания. Оно удерживает вопрос о содержании, тогда как отрицание проверяет чрезмерность способа, которым это содержание представлено.

Такая работа оставляет место содержательному несогласию. Один читатель может принять богословское основание аналогии, другой — считать его недоказанным. Но теперь спор касается определённого основания и определённого способа речи. Он не обязан сводиться к выбору между буквальным портретом Бога и полной бессмысленностью всех божественных имён.

Это рассуждение нельзя просто назвать смягчённой версией Дионисия. Их вопросы и способы разработки различаются. Фома строит аргумент о предикации — приписывании свойств. Дионисий исследует также движение отрицаний в молитвенном богословии. Тем не менее их сопоставление полезно: оно показывает, что ограничения языка могут вести не только к молчанию, но и к более тщательно устроенной речи.

Для читателя здесь важна возможность разделить два притязания: «моя формулировка осмысленна» и «моя формулировка исчерпывает предмет». Между ними есть пространство. Мы умеем достоверно говорить о некоторых аспектах человека, не считая, что поняли его полностью. В богословии вопрос сложнее, но логическая дисциплина этой разницы остаётся узнаваемой.

Поэтому положительный и отрицательный пути можно рассматривать как взаимную проверку. Положительная речь не позволяет отрицанию растворить предмет в неопределённости. Отрицание не позволяет положительной речи превратить понятия в замкнутый портрет Бога. Напряжение сохраняется, поскольку ни одна сторона не получает права устранить другую одним удобным лозунгом.

V. Апофатика, агностицизм и атеизм

Апофатика не равна агностицизму. Агностическая позиция касается возможности или достаточности знания о существовании и природе Бога; её варианты неодинаковы. Христианская апофатика обычно уже находится внутри веры и исследует предел постижения того, к кому человек обращается. Одинаковое слово «непознаваемый» не создаёт одинаковой позиции.

Она не равна и атеизму. Отрицание того, что Бог является предметом среди предметов, нельзя автоматически перевести как отрицание Бога. Более того, христианские тексты могут одновременно утверждать возможность знания о Боге и невозможность исчерпывающего охвата. В католическом катехизисе рядом стоят утверждение о познании Бога и требование очищать язык от ограниченных человеческих представлений. Катехизис, §§39–43.

Тем не менее различение не должно становиться защитой любой религиозной формулы. Человек может спросить: какое содержание остаётся после всех уточнений? Какие основания позволяют утверждать существование именно такого Бога? Апофатика сама по себе не заменяет полный ответ на эти вопросы. Она устанавливает условия языка; доказательство и вера требуют отдельного рассмотрения.

Например, фраза «Бог выше добра и зла» без контекста способна означать несколько несовместимых вещей. В одном случае говорящий пытается ограничить применение человеческих категорий. В другом — разрешает моральное безразличие. В третьем — оправдывает произвол религиозного лидера. Внешняя похожесть фразы не делает одинаковыми её смысл и последствия.

Точность полезна и неверующему читателю. Чтобы критиковать учение содержательно, нужно критиковать то, что оно действительно утверждает. Если всякое отрицательное богословие заранее прочитано как робкий атеизм, спор проходит мимо предмета. Если всякое возражение объявлено признаком недостаточного духовного опыта, спор также становится невозможным.

Можно признавать интеллектуальную силу вопроса о языке и не принимать его религиозный ответ. Такое чтение не обязано заканчивать разговор обращением в веру или опровержением веры. Иногда достаточный результат — увидеть, где именно расходятся исходные предпосылки. Несогласие становится яснее, а значит, уважительнее и серьёзнее.

VI. Молчание, которому предшествует работа

Апофатическое молчание не тождественно отсутствию мысли. В обсуждаемых текстах оно появляется после сложной работы со словами, образами и различениями. Поэтому его нельзя просто воспроизвести, замолчав на несколько минут и объявив возникшую тишину богословским достижением.

Есть разные виды молчания. Человек молчит, потому что не знает факта. Потому что боится последствий. Потому что уважает чужое горе. Потому что не способен подобрать слова. Потому что считает любые слова здесь недостаточными. Эти случаи внешне похожи, но имеют разные основания. Духовная интерпретация одного из них не распространяется автоматически на остальные.

Условный пример: друг рассказывает об утрате, а собеседник отвечает общей формулой о непостижимой воле Бога. Возможно, он хочет выразить смирение. Но для друга такая фраза может закрыть возможность говорить о боли. Здесь проблема не в том, верен ли богословский тезис в своей традиции. Проблема в том, какую работу он совершает в конкретном разговоре.

Иногда более точное молчание состоит в отказе объяснять чужую утрату, сохраняя присутствие и готовность помочь. Это современное этическое применение ограниченности языка, а не толкование, будто Дионисий написал руководство по поддержке в горе. Оно опирается на различие между признанием предела и уходом от отношения.

Нельзя также требовать молчания там, где нужны факты. Если обсуждается ущерб, нарушение договора или злоупотребление властью, ссылка на непостижимость не отвечает на вопрос о случившемся. Религиозная тайна не делает тайной сумму долга или содержание обещания. Иногда зрелое уважение к пределам языка означает как раз необходимость очень конкретно назвать известное.

Молчание становится содержательным, если сохраняет возможность слышать. Если оно запрещает человеку описать пережитое или не позволяет проверить действия авторитета, оно выполняет иную функцию. Апофатический словарь сам по себе не гарантирует, что эта функция добрая.

VII. Тайна Бога и тайна чужого решения

Есть ещё одно различие, без которого отрицательное богословие легко превращается в оправдание любой неопределённости. Непостижимость Бога и отсутствие сведений о человеческом поступке принадлежат разным порядкам. Богослов утверждает, что никакое конечное определение не исчерпывает Бога. Когда руководитель скрывает причину увольнения или религиозный наставник отказывается объяснить своё требование, речь идёт об обстоятельствах, которые в принципе можно прояснить. Их неизвестность не становится священной оттого, что собеседник употребил слово «тайна».

Это также позволяет различить два вида смирения. Один состоит в признании: я не могу превратить Бога в предмет, которым владею посредством удачной формулы. Другой иногда предлагается как обязанность: я не вправе понимать происходящее и задавать вопросы. Между ними нет необходимого перехода. Ограниченность человеческого знания относится и к тому, кто требует доверия. Его уверенность не становится бесконечной рядом с моей ограниченностью. Напротив, общий предел знания может быть основанием взаимного терпения и более честного разговора.

Возникает полезная граница применения. Там, где требуется установить факт, отрицательное богословие не заменяет исследование. Там, где нужно определить правило совместной жизни, оно не заменяет обсуждение. Его собственное поле — отношение между нашими понятиями и тем, кого христианская мысль именует Богом. Из этого поля можно вынести дисциплину осторожной речи, но перенос остаётся нашим действием, за которое отвечаем мы. Он не становится автоматически учением Дионисия.

Наконец, признание непостижимости не требует считать одинаково удачными все представления. Если образ Бога оправдывает жестокость, его можно критиковать по нравственным и богословским основаниям. Если вывод противоречит исходному тексту, это можно показать. Неисчерпаемость предмета не равна отсутствию критериев разговора о нём. Морской горизонт невозможно охватить рукой, однако из этого не следует, что всякая карта берега точна. Апофатика оставляет место исправлению человеческой речи именно потому, что эта речь не обладает своим предметом окончательно.

Есть и логическое уточнение. В обычном рассуждении «не живой» понимают как отрицание признака у предмета, к которому этот признак применим. Когда апофатический автор отрицает и чувственные, и умопостигаемые определения, он ставит под вопрос достаточность самой системы применения признаков. Поэтому нельзя немедленно заключить, будто автор разрешает утверждать противоречия о любом

предмете. Между критикой границ понятия и отказом от последовательного рассуждения нет такого прямого перехода.

Для сравнения можно взять выражение «длинное ожидание». Длину измеряют в пространстве, но здесь слово работает иначе. Мы не обязаны объявлять фразу бессмысленной; мы уточняем способ переноса. Богословская аналогия сложнее этого бытового примера, однако пример показывает саму необходимость различать способы употребления. Точность не всегда состоит в буквальном применении одного словаря ко всему, о чём возможно говорить.

Из этого не следует, что всякое туманное выражение приобретает смысл. Автору всё равно предстоит показать, зачем он отказывается от определения и какой вопрос сохраняет. Читателю полезно спрашивать об этом. Если на каждый вопрос отвечают только очередным отрицанием без различения предметов, аргумент может так и не состояться. Апофатика предлагает исследовать предел речи; её именем нельзя заранее гарантировать успешность любого текста, который выглядит загадочным.

VIII. Непостижимость не отменяет нравственного различения

Из ограниченности человеческих слов не следует, что любой поступок одинаково допустим. Переход от «я не исчерпываю Бога понятием» к «я не могу различить насилие и заботу» меняет предмет разговора. Нужного основания для такого перехода апофатика не предоставляет.

Эта граница особенно важна при общении с человеком, который объявляет себя проводником недоступной остальным истины. Если всякое требование объяснить действие встречается ответом «это выше вашего понимания», непостижимость превращается в инструмент власти. Читателю полезно различать богословское утверждение о Боге и человеческое притязание на неподотчётность.

Священник, учитель или автор остаётся человеком с проверяемыми действиями. Его представления могут быть глубокими, а некоторые слова — трудными. Но это не делает ненужными согласие, ясные границы и возможность прекратить участие. Даже наиболее радикальный язык духовного отказа от себя не устанавливает права другого человека распоряжаться вашей жизнью без согласия.

Здесь обнаруживается и предел самой современной аналогии. Апофатика помогает критиковать самоуверенное описание, но не создаёт готовую этическую систему из одного принципа скромности. Чтобы обсуждать справедливость, нужны положительные основания: достоинство, обязанности, вред, забота, права. Если остаётся только недоверие к любым понятиям, защищать человека становится нечем.

Условный пример: кто-то объясняет собственную жестокость тем, что «обычная мораль слишком мала для высшего пути». Можно признать, что философское учение о морали сложнее повседневного лозунга. Однако конкретная жестокость требует объяснения и прекращения вреда, а не удостоверения духовного ранга говорящего. Последствия поступка не исчезают из-за сложности словаря.

Уважение к непостижимому может сопровождаться очень определённой ответственностью в постижимом. Это не противоречие. Скорее, способность признать предел собственного знания должна удерживать человека от навязывания другим непроверенных абсолютных решений.

IX. Слова, которые не присваивают свой предмет

Апофатическое богословие задаёт трудный вопрос: можно ли говорить осмысленно, не считая, что сказанным мы овладели предметом? Христианские ответы на него включают Писание, молитву, отрицание, аналогию и молчание. Они не сводятся к одной универсальной формуле.

Дионисий не отменяет Бога последовательностью отрицаний. Фома не превращает божественные имена в обычные свойства огромного существа. Их различающиеся способы мысли сохраняют напряжение между необходимостью речи и пределом её достаточности. Чтобы понять эту работу, нужно удержать обе стороны.

Для сегодняшнего читателя ценность может заключаться в небольшом, но существенном изменении привычки. Сказать меньше, когда большая фраза притязает на чужую судьбу. Сказать точнее, когда туман скрывает известный вред. Допустить, что важное для человека не исчерпывается его нынешним описанием, и всё же не отказаться от объяснимого выбора.

Не всякое незнание священно. Не всякое молчание глубоко. Но не всякая точность требует завершённого портрета всего существующего. Иногда хорошая формулировка знает собственную меру. Апофатика предлагает серьёзно исследовать эту меру — внутри христианской веры и, при аккуратном современном сопоставлении, в нашей ответственности за слова.

Что это значит на практике

Современный читатель может применить апофатическое различение к собственному языку, сохраняя разницу между этим упражнением и христианской молитвой. Цель — не добиться мистического состояния, а уменьшить случайное преувеличение в своих формулировках.

Выберите одно значимое утверждение: о близком человеке, о своей неудаче, о том, что делает жизнь достойной. Запишите его обычными словами. Затем спросите, что именно в нём известно, а что предполагается. Фраза «он никогда не уважал меня» может содержать факт о нескольких поступках и неподтверждённый итог о всей личности. Уточнение не обязано оправдывать поступки. Оно помогает не смешивать событие с тотальным портретом.

Сделайте следующий шаг: назовите предел формулировки. «Эти поступки были унизительными; я не знаю всего, что он думал». Это не отмена первого утверждения, а ограничение второго. Иногда после такой правки решение становится яснее: можно установить границу без претензии знать чужую внутреннюю жизнь целиком.

Для чтения религиозного текста полезна другая последовательность. Сначала найдите положительное утверждение. Затем выясните, что именно отрицает автор. Наконец, проверьте, возвращается ли он к молитве, действию или определённому учению. Так парадокс перестаёт быть отдельной красивой фразой и становится движением мысли.

Если вы уже участвуете в христианской жизни, такую работу можно вести внутри своей традиции, обсуждая трудные места с компетентным собеседником. Статья не устанавливает единую молитвенную практику для разных конфессий. Если вы не разделяете веру, достаточно понимать логику аргумента без имитации религиозного опыта.

Последняя проверка — последствия новой формулировки. Помогла ли осторожность яснее назвать известное? Позволила ли услышать чужое уточнение? Или стала удобной причиной ничего не решать? Ограничить претензию на всезнание полезно. Ограничить право действовать ради собственной безопасности — совершенно иной результат. Их важно не перепутать.

Ключевая цитата

> *«Оно не тьма и не свет».*

Псевдо-Дионисий, «Мистическое богословие», V, перевод John Parker; русский перевод авторов статьи. Отрицаются оба привычных определения. Смысл не в выборе тьмы вместо света, а в ограничении самого способа приписывания этих свойств.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они показывают сходство вопроса и границу ответа; сами по себе не устанавливают исторического влияния.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Отрицание и именование	Дионисий, I.1–2 и Фома, I q13 a5	Оба исследуют, как осмысленно говорить о Боге без исчерпывающего определения.	Дионисий рассматривает также молитвенное восхождение; аргумент Фомы об аналогии не просто сокращённый пересказ этого пути.
Предел понятия и действительная речь	Дионисий, IV–V и Катехизис, §§39–43	Признание предела сочетается с сохранением богословской речи.	Катехизический текст задаёт католическую рамку; он не объясняет автоматически каждую радикальную формулу Дионисия.
Отрицательное наставление	Дионисий, V и Брихадараньяка, II.3.6	Положительный образ может быть ограничен отрицанием; отрицательное движение не обязательно означает отсутствие предмета.	Брахман и христианская Троица принадлежат разным учениям. Один фрагмент не представляет все школы веданты; влияние здесь не устанавливается.
Бог не телесный предмет	Дионисий, IV и Шнеур-Залман, Танья, глава 7	Телесная картина способна искажать утверждение о Боге.	Небуквальный цимцум в выбранном хасидском тексте и апофатическое восхождение имеют разные задачи и понятийные структуры.
Что именно ограничено	Дионисий, I.2 и Эпиктет, §§1, 5	Наше сопоставление различает предмет, суждение и чрезмерную претензию человека.	Стоический контроль собственного суждения не является отрицательным богословием и не доказывает непостижимости Бога.

Первоисточники

• Псевдо-Дионисий Ареопагит. Mystical Theology, глава I, §§1–2, перевод John Parker: молитвенное начало и отношение утверждений к отрицаниям.

• То же. Глава I, §3; глава II: Моисей, божественный мрак и движение отрицаний.

• То же. Главы IV–V: отрицание чувственных и умопостигаемых определений.

• Kevin Corrigan, L. Michael Harrington. Pseudo-Dionysius the Areopagite, Stanford Encyclopedia of Philosophy: исторический контекст, состав корпуса и отличие отрицания от лишения.

• Фома Аквинский. Summa Theologiae, I, q.13, особенно a.5: аналогический способ применения божественных имён.

• Катехизис Католической церкви. §§39–43, How Can We Speak about God?: ограниченный и вместе с тем осмысленный язык о Боге.

• «Брихадараньяка-упанишада», II.3.1–6, перевод F. Max Müller, SBE XV: Отрицательное наставление в собственной речи о Брахмане; не доказательство тождества с христианством.

• Шнеур-Залман из Ляд. «Танья», Shaar Hayichud Vehaemunah, глава 7, с комментарием Chabad: Небуквальное понимание цимцума и невозможность приписать Богу телесное перемещение.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§1, 5, перевод Elizabeth Carter: Собственное действие и суждение в отличие от внешних обстоятельств (§§1, 5); сопоставление оснований ответственности, без отождествления стоической и христианской цели.

Теги

апофатика, апофатическое богословие, катафатика, отрицание, богословие, христианство, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Мистическое богословие, Фома Аквинский, божественные имена, аналогия, Троица, молитва, молчание, божественный мрак, непостижимость, лишение, превышение, агностицизм, атеизм, язык, понятие, предел знания, Писание, неоплатонизм, Брахман, цимцум, сравнительная философия, ответственность, точность речи

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.